

Пятое число первого месяца, иначе называемое «По У»*.

(ПП: по лунному календарю; начало работы магазинов после Нового года)

На севере в этот день принято взрывать петарды и есть пельмени, чтобы проводить бога бедности и встретить бога богатства. Кроме того, открываются рынки, и все вместе празднуют надежду на процветающий новый год.

Маленький ларек семьи Цинь, разумеется, тоже не стал исключением. После праздников дела шли не хуже, чем ожидал Цинь Ся. Хотя ларек был закрыт всего пять дней, посетители толпились перед прилавком, словно страдая от нестерпимого голода, и наперебой спешили оплатить заказ. Из-за этого пришлось заготовить больше продуктов для обеда, задержаться с закрытием ларька и впервые за долгое время закончить работу на ночном рынке лишь под самый конец часа Хай (около 23:00).

Когда последняя порция жареных булочек была продана, даже Цинь Ся не смог сдержать долгий вздох усталости.

- В эти первые три дня нужно немного больше работать, чтобы постоянные клиенты не уходили ни с чем, - проговорил он, - Потом вернемся к обычному графику, будем пораньше возвращаться домой, отдыхать и высыпаться. Деньги - штука бесконечная, хватит на жизнь - и ладно.

Юй Цзюцюэ, у которого от усталости глаза покраснели, наконец стёр с рук масло и тыльной стороной ладони принялся их тереть. Ещё час назад Цинь Ся уговаривал его вернуться домой, но тот не согласился и упрямо остался до конца.

В отличие от них Лю Доуцзы выглядел самым бодрым, хотя он каждое утро вставал рано, чтобы молоть бобы, что, по идее, должно было больше изматывать.

Но ни Цинь Ся, ни Юй Цзюцюэ не стали его расспрашивать. Ведь они помнили, как присутствовали при обсуждении даты сватовства старшей сестры семьи Лю и Фан Жун.

До того дня осталось всего восемь или девять дней, поэтому Лю Доуцзы, вероятно, сейчас и предвкушает, и волнуется. Эти чувства не находили выхода, поэтому превращались в кипучую энергию. Вот и сейчас, хотя было уже далеко за полночь, он выглядел бодрым и даже начал напевать, убирая жаровню. Правда, напев оборвался на середине, как только он вспомнил, что рядом есть ещё люди. Его тело напряглось, а затем, как ни в чём не бывало, он повернулся, взял тряпку и принялся быстро протирать тележку.

Цинь Ся и Юй Цзюцюэ еле удержались от смеха и не стали ничего говорить.

Перед уходом Юй Цзюцюэ проверил денежный мешок, взглянул на горсть медных монет и

невольно улыбнулся. С пятого по десятое число первого месяца доходы оказались внушительными. В самый удачный день они выручили целый лян с лишним, а чистая прибыль в среднем составляла несколько сотен вэнь. Денежная банка, которая перед Новым годом почти опустела из-за обмена медных монет на серебро, вскоре снова будет полна.

Поздний вечер.

Цинь Ся и Юй Цзюцюэ приняли ванну, вымыли голову и долго вытирались полотенцами, сидя у жаровни и ожидая, пока волосы высохнут. Дафу, их гусь, был занят: то чистил свои перья, то заботливо пытался разгладить волосы своих хозяев.

Цинь Ся в очередной раз вытащил из клюва Дафу прядь своих волос, закинул её на другое плечо и, покачав головой, с досадой сказал:

- Иногда хочется просто отрезать их коротко.

Длинные волосы – сплошная морока: мыть их трудно, а сушить ещё труднее.

Кисть в руках Юй Цзюцюэ едва не дрогнула. Волосы и кожа, данные родителями, – такое заявление Цинь Ся тянуло бы на «великое непочтение».

Полагая, что тот говорит так из-за раздражения из-за долгой сушки, он предложил:

- Хочешь, я ещё раз полотенцем протру?

Цинь Ся, зевая, покачал головой. Он просто пожаловался. Сколько ни три, толку не будет.

Когда Юй Цзюцюэ закончил запись, Цинь Ся взял в руки бухгалтерскую книгу и принялся листать. С тех пор как Юй Цзюцюэ освоил арабские цифры, записи стали предельно понятными. К тому же, казалось, будто книга была зашифрована. В руках третьего человека она наверняка выглядела бы совершенно неразборчивой.

На бумаге, помимо ежедневных записей доходов и расходов, выделялись несколько особенно крупных сумм серебра. Все они были получены от продажи рецептов блюд.

Сначала, в первый день работы после праздников, Юй-гер сам вызвался оплатить оставшиеся десять лян, и вместе с Цинь Ся отправился в управление улиц, чтобы поставить официальную печать на расписку, закрепляющую их договор.

Когда они вышли из здания управления, им повстречался Ху Лаосы, который служил в этом ведомстве.

Увидев Цинь Ся, Ху Лаосы первым делом решил, что ларек семьи Цинь снова столкнулся с какими-то проблемами. Узнав же, что Цинь Ся пришёл подписать договор с другим владельцем лотка и продал свои рецепты, он проявил интерес.

В тот же вечер, закончив службу, Ху Лаосы надел повседневную одежду и отправился на улицу Баньяо, чтобы обсудить это дело с Цинь Ся. Цинь Ся ради этого оставил ларек под присмотром Юй Цзюцюэ и Лю Доуцзы, а сам пригласил Ху Лаосы в небольшую таверну неподалёку.

Ху Лаосы, будучи человеком прямым, сразу объяснил, что покупает рецепты для своей младшей сестры. Оказалось, что его сестра, будучи замужем пять лет, родила только одну дочь и в итоге была изгнана из дома мужа за «бездетность», одну из причин развода по «семи основаниям».

Вернувшись в дом родителей, сестра жила в глубокой печали.

— Моей сестре было шестнадцать, когда она вышла замуж. Сейчас ей всего двадцать один. Если она захочет выйти замуж повторно, я обязательно найду для неё лучшего мужа. Но она сказала, что больше не думает об этом, и отныне хочет лишь заботиться о наших родителях, — с грустью рассказывал Ху Лаосы.

Однако он не мог смириться с тем, что сестра весь день сидела дома, погружённая в тоску. Рано или поздно такая жизнь свела бы её в могилу. До замужества она была жизнерадостной, полной сил, и ему было больно видеть, как она превратилась в сухую и унылую тень самой себя.

— Моя сестра всегда умела готовить, в юности даже мечтала стать поваром. Если у неё будет дело, она сможет найти своё место в жизни. А я, как старший брат, позабочусь, чтобы её ларек работал без проблем.

Надо признать, что мысли Ху Лаосы были весьма разумны. Для Цинь Ся возможность вести дела с представителем управления улиц была настоящей находкой.

Рецепты жареной холодной лапши и пирожных Бочжайгао должны были стоить двадцать три ляна, но Цинь Ся снизил цену до двадцати, что было значительно дешевле, чем рассчитывал Ху Лаосы.

— Я думал, цена будет как минимум тридцать лян, — удивлённо замер Ху Лаосы, достав кошелёк.

Цинь Ся с улыбкой ответил:

— Это же обычная еда для простого люда, она не может стоить тридцать лян.

Его слова были правдой, но Ху Лаосы всё равно почувствовал, будто он получил скидку благодаря своему положению. Чтобы компенсировать это, он настоял на оплате счёта за выпивку и поинтересовался дальнейшими планами Цинь Ся.

— Если ты собираешься и дальше работать на ночном рынке улицы Баньцяо, я могу помочь тебе найти место получше, — предложил он.

Это было одним из преимуществ знакомства с чиновниками. На улице Баньцяо места под торговлю были настолько востребованы, что иногда там даже негде было ступить.

Однако Цинь Ся вежливо отказался от предложения и поделился своими планами: арендовать помещение и открыть полноценное заведение. Ху Лаосы обрадовался, услышав это. Цинь Ся действительно был мастером своего дела. Ху Лаосы купил его рецепты, будучи уверен, что они принесут постоянный доход, словно неиссякаемый источник богатства. Открытие заведения означало, что с ростом его популярности те, кто уже приобрёл рецепты Цинь Ся и работал под его именем, смогут тоже получить свою долю успеха.

- В то время при открытии заведения потребуется оформить несколько документов, ты приходи в управление улиц, и я заранее договорюсь с отделом регистрации, — сказал Ху Лаосы.

Так, помимо продажи двух рецептов, Цинь Ся получил обещание помощи от чиновника.

К сегодняшнему вечеру из семи рецептов были проданы уже три, что принесло в общей сложности 35 лян серебра. Остальные рецепты также обрели потенциальных покупателей.

Например, управляющий винокурни, господин Пэн, большой любитель острой пищи, выразил желание приобрести рецепт кисло-острой лапши. Он прямо заявил, что готов заплатить 8 лян серебра, хотя пока не решил, как и кому будет её продавать.

— Да хоть бы просто для себя купил, чтобы дома готовить, — добавил он с усмешкой.

Если смотреть с этой стороны, то и правда — почему бы и нет? Однако Цинь Ся продавал свои рецепты не ради того, чтобы просто заработать немного серебра. Для него было важным, чтобы эти блюда, дарившие радость и утешение его клиентам, продолжали существовать в переулках города, даже когда он сам сосредоточится на заведении.

Выслушав откровения Цинь Ся, господин Пэн понял, что был слишком прямолинеен, но всё равно не отказался от своей затеи.

— Я поговорю с женой, а пока, босс Цинь, вы не продавайте этот рецепт кому-то другому! — настаивал он.

В итоге Цинь Ся даже пришлось принять от него залог в 1 лян серебра, словно рецепт кисло-

острой лапши мог за ночь исчезнуть.

Воспоминания прервались.

Пальцы Цинь Ся остановились на одной из страниц книги учёта. Взгляд пробежал по цифрам, написанным кистью: 65 лян — весьма радостный итог.

Особенно приятно было осознавать, что эти деньги скоро превратятся в настоящее заведение. Юй Цзюцюэ сможет сидеть за прилавком, в тепле, не беспокоясь ни о зимних ветрах, ни о летнем зное. От этой мысли на душе у Цинь Ся стало ещё светлее.

Но в глубине сознания мелькнула тень воспоминаний о сюжете оригинальной книги, что на миг омрачило его настроение. Однако он старался этого не показывать.

Обернувшись, он заметил, как Юй Цзюцюэ лениво перебирает свои ещё влажные волосы. Цинь Ся взял деревянный гребень со стола и начал аккуратно их расчёсывать. Атмосфера была спокойной и уютной, и разговор перешёл к оставшимся непроданными рецептам.

— Как сказал Доуцзы, давай отдадим ему рецепты яичных бургеров и крахмальной колбасы, — предложил Цинь Ся.

Лю Доуцзы давно принял такое решение, и Цинь Ся считал его вполне разумным.

Во-первых, для начинки бургеров потребуется только тофу, что избавит Доуцзы от необходимости искать дополнительные ингредиенты. Во-вторых, крахмальные колбаски пригодятся для приготовления блюд вроде жареных блинчиков или жареной холодной лапши. Это значит, что Юй-гер и Ху Лаосы станут закупать ингредиенты у семьи Лю. Пусть доход будет небольшим, но количество компенсирует это.

Казалось бы, отличное решение для всех сторон. Однако камнем преткновения стала цена.

Цинь Ся установил стоимость: рецепт яичных бургеров — 12 лян, рецепт крахмальных колбасок — 8 лян, всего 20 лян. Эту цену знал и Лю Доуцзы. Но для своих Цинь Ся не собирался брать такую сумму.

Однако из-за этого возникло противостояние: Лю Доуцзы отказывался принимать скидку, а Цинь Ся упорно не хотел брать полную сумму. Так они спорили несколько дней подряд.

Цинь Ся окончательно понял решимость Фан Жун. Обдумывая это во время вечернего омовения, он решил уступить её и Лю Доуцзы желанию.

— С родными счёт должен быть честным. Раньше за рецепты жареного тофу и тофу на

шпажках с куриным бульоном мы толком не взяли денег. Если и на этот раз не возьмём, боюсь, крёстная мать всю ночь глаз не сомкнёт, — вздохнул он.

Юй Цзюцюэ, подперев голову рукой, кивнул, кончиками пальцев лениво глядя обложку книги учёта.

— Тогда остаётся только рецепт жареных куриных каркасов.

Источником куриных скелетов был дом Сун, и сейчас Цинь Ся получал поставки благодаря связям Вэй Чао. Однако передача рецепта другому человеку вызвала у него опасения: вдруг что-то пойдёт не так и это нарушит чей-то бизнес? Поэтому, хоть и было несколько заинтересованных, Цинь Ся всё не решался.

Но этот вопрос разрешился уже на следующий день, когда Вэй Чао передал, что управляющий домом Сун хочет встретиться с Цинь Ся.

Уезд, ресторан «Чаньюэ».

Цинь Ся впервые переступил порог такого роскошного заведения. Раньше он бывал здесь лишь благодаря приглашениям других, да и то лишь в общем зале на первом этаже. На второй этаж, в частные комнаты, он ещё никогда не поднимался. Следуя за Вэй Чао по коридору, он вскоре оказался перед дверью комнаты, где его уже ждал мужчина с короткой бородой.

Ещё до встречи Цинь Ся слышал о нём от Вэй Чао. Этот человек носил фамилию Юй, имя Шуэнь, и был «рождённым слугой» дома Сун. Его родители служили в этом богатом доме на высоких должностях. Отец Юй Шуэня некогда занимался закупками для кухни, но, заболев, передал эту работу сыну. А мать Юй Шуэня была кормилицей второго сына главы дома Сун, самого любимого отпрыска.

Господин Сун рано овдовел, но его наложница, мать второго сына, пользовалась огромным влиянием. Глава дома даже подумывал официально признать её своей женой. Старший сын был хрупким и болезненным, редко покидал дом, и было очевидно, что именно второй сын станет наследником. С такими родителями Юй Шуэнь неизбежно получал самые выгодные должности.

Цинь Ся взглянул на сидящего мужчину, который даже не подумал встать, чтобы его поприветствовать, и про себя отметил: недаром говорят, что у служащих при богатых домах спесь не меньше, чем у мелких чиновников. Глаза у этого Юй Шуэня, похоже, растут прямо на макушке.

Однако сегодня он пришёл сюда не за уважением, а для делового разговора. Если заплатят как

надо, а формальности соблюдены, то он готов закрыть глаза на такие мелочи.

Юй Шуэнь, как оказалось, пришёл в «Чаньюэ» вовсе не ради встречи с Цинь Ся. Его цель была договориться с местными поварами для предстоящего через два месяца юбилея главы дома Сун.

В этот момент, завершив обсуждение дел, он спешил вернуться домой. Поэтому, как только вошел Цинь Ся, он сразу перешел к делу.

— Господин Цинь, перед вашим приходом Вэй-да, должно быть, передал вам мои намерения, так что не будем ходить вокруг да около, — начал он.

Взяв чашку чая, стоявшую перед ним, он сделал глоток, словно готовясь к важному разговору, и продолжил:

— В последнее время я задумал открыть в городе лавку, где будут продаваться готовые мясные блюда. И тут я вспомнил, как Вэй-да несколько раз приносил ваши жареные куриные каркасы и соленую утку. Вкус у них был отменный. Я расспросил Вэй-да, и оказалось, что вы как раз сейчас нуждаетесь в деньгах и готовы продать рецепты.

При этих словах Юй Шуэнь, наконец, сменил свою скучающую мину на чуть более искреннюю улыбку.

— Подумал я и понял — какая удача! Поэтому попросил Вэй-да пригласить вас. Не переживайте, я пришел с деньгами. Как только договоримся о цене, сразу же расплачусь, чтобы вы могли продолжить вечернюю торговлю.

Юй Шуэнь говорил с уверенностью человека, который уже видел дело сделанным. Однако он и представить не мог, что, едва его слова стихли, лицо Цинь Ся омрачится недовольством.

— Вот это странно, — нахмурившись, отозвался Цинь Ся. — Перед приходом брат Вэй говорил лишь о рецепте куриных каркасов. А тут вдруг всплывает еще и соленая утка?

Цинь Ся, явно раздосадованный, повернулся к Вэй Чао.

— Брат Вэй, ты поступил крайне недостойно! Ты ведь прекрасно знаешь, что рецепт утки — это семейная реликвия, переданная мне от прабабушки. А она, между прочим, служила поваром в доме министра при прошлой династии! Этот рецепт — не просто набор ингредиентов, а часть нашей семейной чести. Даже мой супруг не знает его секретов! Если я продам его, разве это не будет нарушением заветов предков? Разве не стану я тогда негодяем, которого все будут презирать?

Его страстная речь была столь внезапной и искренней, что Юй Шуэнь, который с самого

начала не придавал значения словам Цинь Ся, невольно вздрогнул. Лицо Вэй Чао и вовсе побледнело, и он поспешил извиняться перед обоими.

Цинь Ся, не желая продолжать разговор, склонился к чашке чая, явно давая понять, что он больше ничего обсуждать не намерен.

Вэй Чао, не видя другого выхода, поднялся и, поклонившись Юй Шуэню:

— Господин Юй, мой брат пока не может согласиться. Позвольте мне немного времени. Я поговорю с ним, объясню всё, и вы обязательно получите удовлетворительный ответ.

С этими словами он почти силой увел Цинь Ся из комнаты, уведя его в дальний конец коридора на втором этаже.

Отделенные значительным расстоянием, их разговор был едва слышен.

Юй Шуэнь, оставшись в комнате, немного походил из угла в угол, затем позвал одного из официантов, только что выходявшего из соседнего зала с пустыми тарелками.

— Ты, подойди!

Паренек, смахнув полотенцем пот с плеча, тут же поспешил к нему. Выслушав указания и получив щедрое вознаграждение, он, не теряя времени, вышел с тарелками.

Через некоторое время официант, сделав круг по второму этажу, вернулся к Юй Шуэню.

— Ну что, слышал что-нибудь? — с нетерпением спросил тот.

Официант, давно набивший руку на таких делах, быстро и четко пересказал услышанные отрывки:

— Словом, господа сильно поссорились. Высокий почти ушел вниз, но второй буквально силой его удержал. Уговаривал: «Рецепты мертвы, а заработанные деньги живы».

Услышав это, Юй Шуэнь все понял. Сунув официанту еще денег, он отослал его прочь.

Оставшись один, он подошел к окну, потер короткую бородку и задумался.

Его целью, конечно, было вместе с Вэй Чао дешево выкупить у Цинь Ся оба рецепта. Вкус жареных куриных каркасов и соленой утки до сих пор преследовал его. Мысль об этой еде пробуждала в нем неутолимое желание, словно внутри что-то терзало и не давало покоя.

Только через Цинь Ся Юй Шуэнь понял, что те утиные потроха, которые раньше шли на корм сторожевым псам в их усадьбе, и куриные кости, которые, казалось, годились лишь для варки бульона, а затем отправлялись в отходы, могут превратиться в такую вкуснятину, что оторваться невозможно.

Конечно, на улицах хватало лавок и лотков, где продавали соленое мясо, но по сравнению с тем, что готовил Цинь Ся, разница была как между грязной служанкой из заднего двора и роскошной куртизанкой из «Тяньсянгэ».

Юй Шуэнь и сам наблюдал за ночным лотком Цинь Ся: куриные каркасы, которые он продавал за пять вэнь, на лотке уходили вдвое дороже. А ведь Цинь Ся еще и покупал каркасы в усадьбе Сун за те же пять вэнь! Если бы Юй Шуэнь сам занялся этим делом, каркасы достались бы ему даром — ни копейки из кармана.

Один куриный каркас приносил тринадцать вэнь, а себестоимость, даже если считать щедро, составляла всего три. Вечером продав пятьдесят штук, можно заработать пять цянь серебра. А если открыть лавку и продавать с утра до вечера? Сто штук — это уже один лян серебра, а за месяц набегает тридцать лян!

От таких расчетов сердце Юй Шуня переполнилось жадным желанием.

Мать часто повторяла: когда наложница хозяина станет официальной госпожой дома, это только вопрос времени. Тогда она возьмет на себя управление хозяйством, и не придется, как сейчас, жить подчиненной жизнью. Мать твердо решила: ради этой цели она даже пойдет к госпоже, чтобы просить милости и добиться освобождения Юй Шуэня от контракта на служение.

Именно поэтому Юй Шуэнь хотел заранее обзавестись своим собственным делом за пределами усадьбы. Идея с куриными каркасами оказалась как нельзя кстати. Учитывая, что соленые продукты из утки тоже могли приносить огромную прибыль, он решил действовать немедленно.

Он задумал использовать прекращение поставок куриных каркасов как рычаг давления, чтобы через Вэй Чао заставить Цинь Ся уступить рецепты за бесценок.

В глазах Юй Шуэня ситуация выглядела очевидной: Цинь Ся просто не оставалось выбора. Продаст — все останутся довольны. Юй Шуэнь получит рецепты, а Цинь Ся хоть какие-то деньги. Не продаст — Юй Шуэнь гарантировал, что Цинь Ся больше нигде в округе не найдет стабильных поставок куриных каркасов. Суть была проста: если Юй Шуэнь не сможет заработать на этом деньги, то и Цинь Ся не получит ничего.

Сначала Вэй Чао отказывался участвовать в этом деле, мотивируя тем, что не хочет вредить другу. Но стоило Юй Шуэню пообещать ему долю прибыли, как братская верность мгновенно ослабела.

Вэй Чао, конечно, узнал, что рецепты семьи Цинь передаются из поколения в поколение и стоят не меньше ста лян серебра. Однако Юй Шуэнь просто не поверил. Только после того, как он послал людей разузнать все в переулке Фужун, выяснилось, что старая госпожа Цинь действительно в молодости работала поваром. Это сделало всю историю правдоподобной.

Реакция самого Цинь Ся только подтвердила догадки. Желание Юй Шуэня заполучить рецепты вспыхнуло с новой силой. Деньги для него не были проблемой. Семья из трех человек работала в усадьбе Сун уже много лет, и даже те, кто хотел провести через них свои дела, осыпали их подарками. Пара десятков лян серебра для Юй Шуэня не значила ровным счетом ничего.

Теперь оставалось одно: сможет ли Вэй Чао убедить Цинь Ся уступить свои рецепты.

Примерно через четверть часа дверь отдельной комнаты наконец снова открылась. Вэй Чао силой усадил Цинь Ся обратно на стул.

Юй Шуэнь поднял взгляд и сразу заметил, что лицо Цинь Ся по-прежнему выражало недовольство. Однако Вэй Чао многозначительно косился на него, явно подавая какой-то сигнал. Юй Шуэнь глубоко вдохнул, заставив себя сохранять спокойствие. Последнее, что ему нужно, — разозлить этого упрямого Циня. Если тот в гневе решит не продавать рецепты ни за какие деньги, вся сегодняшняя затея окажется напрасной.

— Господин Цинь, — Юй Шуэнь постарался смягчить голос и надел на лицо гораздо более дружелюбное выражение. — Что вы решили?

Цинь Ся взял чашку с чаем, но тут же снова поставил ее на стол. Его взгляд метался между Вэй Чао и Юй Шуэнем. Казалось, он боролся с собой. Наконец Юй Шуэнь дождался ответа.

— Брат Вэй только что долго мне все объяснял. И я, кажется, понял. Хоть жареные куриные каркасы, хоть соленая утка — все это держится только на том, что вы, господин Юй, предоставляете мне сырье. Если вас разозлить, и поставок больше не будет, рецепты останутся мертвыми, как и раньше. Раз уж так, лучше уступить вам. Может, в ваших руках они и обретут новую жизнь, а там, глядишь, вы еще сделаете из них знаменитый бренд. Тогда это даже можно будет считать исполнением воли предков.

Услышав это, Юй Шуэнь сразу оживился, расправил спину и подался вперед.

Он знал, что этот Цинь Ся — всего лишь уличный торговец, человек простых взглядов и небольших амбиций. Слышал, что раньше он вообще был бездельником, пока не занялся ночным лотком. Каждый день Цинь Ся вставал ни свет ни заря и торговал до позднего вечера, чтобы заработать хоть немного денег. При этом его супруг часто болел, и большую часть выручки приходилось отдавать на лечение.

Юй Шуэнь был уверен: стоит только щедро помахать перед ним серебром, и этот бедняга с готовностью продаст все, чтобы разом избавиться от забот и лечь дома на печь считать

монеты. Когда он заработает целое состояние на этих рецептах, Цинь Ся сможет только кусать локти. Но будет уже слишком поздно.

С таким настроением Юй Шуэнь даже подобрел. В голосе зазвучала откровенная теплота.

— Вот видите, как разумно вы рассудили, господин Цинь. Не переживайте, хотя мое положение в усадьбе не позволяет мне лично управлять лавкой, всеми делами будут заниматься только самые верные люди. Мы будем четко следовать вашим рецептам, так, чтобы они сохранили свой особый вкус и репутацию. Как вы правильно сказали, рецепт обретает смысл только тогда, когда его пробуют. Вы согласны?

Цинь Ся глубоко кивнул, его лицо смягчилось. Затем он слегка улыбнулся и виновато произнес:

— Вы, господин Юй, действительно человек душевный. А я сначала слишком упрямылся и вел себя неподобающим образом. Прошу прощения за это.

С этими словами он поднял чайную чашку и, словно заменяя ей вино, поднес в знак уважения Юй Шуэню.

Видя, как ситуация разрядилась, Юй Шуэнь украдкой взглянул на Вэй Чао. Тот понимающе кивнул, прокашлялся и обратился к Цинь Ся:

— Брат Цинь, раз уж мы обо всем договорились, самое время назвать цену, которая вас устроит. Уверен, господин Юй поймет и оценит.

Цинь Ся резко сжал чайную чашку, и сердце Юй Шуэня невольно сжалось следом. К счастью, напряжение быстро сменилось — Цинь Ся тяжело вздохнул и поставил чашку на стол с явной решимостью.

— Ну что ж, раз уж выдалась такая редкая возможность встретиться с вами, господин Юй, считаю это судьбой. Цена... — он крепко стиснул зубы, словно принимая непростое решение, — Рецепт жареных куриных каркасов — не великая ценность, но если добавить секретный рецепт соленой утки... восемьдесят лян серебра. Меньше я не соглашусь!

— Восемьдесят лян?! — в этот раз Юй Шуэнь не успел открыть рот — за него возмущенно вскочил Вэй Чао. — Брат Цинь, это слишком высокая цена! Разве ты не обещал пойти навстречу господину Юю?

Цинь Ся хмуро посмотрел на него.

— Это уже и есть уступка, брат Вэй. Ты же знаешь, что только за один рецепт жареных куриных каркасов уже предлагали двадцать пять лян. А что касается рецепта утки, моя

прабабушка говорила, что однажды за него предлагали сто лян!

Вэй Чао, почесывая затылок, бросил беспомощный взгляд на Юй Шуэня и понизил голос.

— Это я все понимаю, но ты ведь сам знаешь, что кроме усадьбы Сун и господина Юя, у тебя нет другого надежного источника куриных каркасов. Если ты продашь рецепты кому-то еще, они останутся бесполезными! А про куриные каркасы вообще забудь — это заслуга господина Юя.

Юй Шуэнь внимательно слушал, хоть и делал вид, что занят своими мыслями. Его рука, спрятанная под длинным рукавом, тихо загибала пальцы, пересчитывая возможные расходы. Восемьдесят лян действительно были дороговаты, но цена все еще вписывалась в его расчеты. Тем не менее, если удастся немного сбить цену, сделка станет еще более выгодной.

Цинь Ся, словно уловив мысли Юй Шуэня, резко отозвался:

— Хорошо, брат Вэй, ради тебя уступлю еще десять лян. Семьдесят — это окончательная цена. Меньше ни монеты. И то, продав за такую сумму, я сегодня же должен буду сжечь для бабушки целую корзину бумажных денег, чтобы замолить свои грехи!

Вэй Чао собирался было еще спорить, но Юй Шуэнь поднял руку, прерывая его.

Семьдесят лян были более чем приемлемой ценой. Даже с учетом аренды помещения он был уверен, что окупит вложения в считанные месяцы.

— Договорились, семьдесят лян. Если вы согласны, мы прямо сейчас подпишем контракт.

Цинь Ся крепко сжал губы, словно обдумывая что-то в последний раз, затем кивнул.

— Пусть будет так, но с двумя условиями. Во-первых, я хочу получить наличные. Во-вторых, в договоре должно быть прописано, что на вашей лавке будет висеть вывеска с названием «Кухня семьи Цинь», чтобы наши постоянные покупатели жареных куриных каркасов могли найти вас.

Юй Шуэнь заранее знал об этих требованиях от Вэй Чао. Они казались ему вполне разумными, ведь вывеска могла привлечь старых клиентов Цинь Ся.

— Пусть будет так, как вы сказали, — великодушно согласился он.

Не теряя времени, Юй Шуэнь отправил Вэй Чао за письменными принадлежностями. Как только все было принесено, контракт составили в двух экземплярах, тщательно проверили и скрепили отпечатками пальцев.

К моменту, когда они вышли из здания магистрата, солнце уже клонилось к закату. Два голые дерева гинкго у входа казались обернутыми в золотую мишуру.

Юй Шуэнь получил заветный контракт, а с ним — и рецепты, договорившись о дне, когда Цинь Ся передаст ему секреты приготовления. Тем временем в руках у Цинь Ся оказалось целое состояние: серебряная банкнота на пятьдесят лян и двадцать пять лян наличными, которые еще недавно он обменял в денежном дворе. Монеты так грели ладонь, словно хранили тепло, накопленное за день.

— До свидания, господин Юй! — поклонились ему вслед Цинь Ся и Вэй Чао.

Когда Юй Шуэнь скрылся за углом, двое переглянулись и поспешили свернуть в соседний переулок.

Убедившись, что вокруг никого нет, Вэй Чао громко выдохнул, вытирая пот со лба, и, уставившись на серебряную банкноту в руках Цинь Ся, расплылся в широкой улыбке:

— Ну вот, наконец-то все получилось!

<http://bllate.org/book/13601/1206041>